

Николай Добролюбов

**Русская сатира
екатерининского времени**

Николай Добролюбов

**Русская сатира
екатерининского времени**

«Public Domain»

1859

Добролюбов Н. А.

Русская сатира екатерининского времени / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1859

Статья Добролюбова – яркий пример реализации принципов «реальной критики» на историко-литературном и публицистическом материале XVIII в. Литературу Добролюбов прежде всего соотносит с явлениями действительной жизни; главное для критика – результат, воздействие сатиры прошлого века, настоящего времени на читательские умы, на развитие общества. Противопоставляя «академическую» критику публицистической, «библиографическую» – реальной, Добролюбов включает демократическую сатиру в «настоящее» литературное дело, необходимое для революционно-демократических преобразований русского общества.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	13
--	----

Николай Александрович Добролюбов

Русская сатира екатерининского времени

(Русские сатирические журналы 1769–1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. Соч. А. Афанасьева. Москва, 1859)

*А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить,
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.*

Крылов^[1]

Искусство говорить слова для слов всегда возбуждало великое восхищение в людях, которым нечего делать. Но такое восхищение не всегда может быть оправдано. Конечно, и звук, как все на свете, имеет право на «самостоятельное существование» и, доходя до высокой степени прелести и силы, может восхищать сам собою, независимо от того, что им выражается. Так, нас может пленять соловьиное пенье, смысла которого мы не понимаем, итальянская опера, которую обыкновенно понимаем еще меньше, и т. п. Но в большинстве случаев звук занимает нас только как знак, как выражение идеи. Восхищаться в официальном отчете – его слогом, или в профессорской лекции – ее звучностью означает крайнюю односторонность и ограниченность, близкую к идиотству. Вот почему, как только литература перестает быть праздною забавою, вопросы о красотах слога, о трудных рифмах, о звукоподражательных фразах и т. п. становятся на второй план: общее внимание привлекается содержанием того, что пишется, а не внешнею формою. Таким образом, красивенькие описания, звучные дифирамбы и всякого рода общие места исчезают пред произведениями, в которых развивается общественное содержание. Является потребность в изображении нравов; а так как нравы, от начала человеческих обществ до наших времен, были всегда очень плохи, то изображение их всегда переходит в сатиру. Таким образом, сатира, говоря слогом московских публицистов^[2], «служит доказательством зрелости общественной среды и залогом грядущего совершенствования государства». Не мудрено поэтому, что и у нас сатира привлекает к себе особенную благосклонность образованной публики и приводит в восторг лучших наших историков литературы, то есть тех, которые уже переступили степень развития, позволяющую иным восхищаться слогом официальных отчетов.

Относительно значения и достоинства сатиры вообще мы совершенно соглашаемся с почтенными историками литературы нашей. Но мы позволим себе указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сих пор почти не удостоенную внимания ученых исследователей. Особенность эта состоит в том, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сих пор стоит на сатире – и между тем все-таки не сделалась еще существенным элементом народной жизни, не составляет серьезной необходимости для общества, а продолжает быть для публики чем-то посторонним, роскошью, забавою, а никак не делом. Это значит, что и сатира у нас вовсе не есть «следствие зрелости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти нетрудно понять: сатира явилась у нас, как привозный плод, а вовсе не как продукт, выработанный самой народной жизнью. Кантемир, обличая приверженцев старины и вздорных поклонников новизны, сказал не думу русского народа, а идеи иностранного князя^[3], пораженного тем, что русские не так принимают европейское образование, как бы следовало по плану преобразователя России. Ставши под покровом официальных распоряжений, он смело карал то, что и так отодвигалось на задний план разнообразными рефор-

мами, уже приказанными и произведенными; но он не касался того, что было действительно дурно – не для успеха государственной реформы, а для удобств жизни самого народа. В то время как вводилась рекрутская повинность, Кантемир изощрялся над неслужащими; когда учреждалась табель о рангах, он поражал боярскую спесь и местничество;^[4] когда народ от притеснений и непонятных ему новостей всякого рода бежал в раскол, он смеялся над мертвою обрядностью раскольников;^[5] когда народ нуждался в грамоте, а у нас учреждалась академия наук, он обличал тех, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры...^[6] С Кантемира так это и пошло на целое столетие: никогда почти не добивались сатирики до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, от чего происходят и развиваются общие народные недостатки и бедствия. Характер обличений был частный, мелкий, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, по-видимому, и говорила о деле, но, в сущности, постоянно оставалась пустым звуком...

Любопытно проследить, как это случилось, и мы не отказываемся, по мере возможности, когда-нибудь серьезно заняться этим вопросом. Но теперь выскажем лишь несколько общих замечаний, нужных для настоящего предмета нашей статьи.

Когда человек говорит о деле, то прямая цель его слов та, чтобы дело было сделано; когда сатирик восстает против недостатков, то у него непременно есть стремление исправить недостатки. Но, чтобы подобная цель могла достигаться, нужно говорить дельно и договаривать до конца; иначе никакого толку не выйдет. Если меня, например, порицают за то, что я живу в дурной квартире и ем плохую пищу, между тем как у меня нет денег для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что все порицания не принесут мне ровно никакой пользы. Человек, истинно желающий, чтобы я исправился от дурной привычки скудно есть и жить в бедности, непременно обратит свои обличения не на квартиру и стол мой, а – или на то, зачем я сам ничего не делаю для своего обеспечения, или на то, зачем другие не вознаграждают моего труда как следует. То же самое и в нравственной жизни общества. Большая часть общественных явлений не может быть изменена просто волею частных лиц: нужно изменить обстановку, дать другие начала для общей деятельности, и тогда уже обличать тех, которые не сумеют воспользоваться выгодами нового устройства. Наши сатирики отчасти не хотели понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствие законности, спесь и жестокость в обращении с низшими, подлость перед высшими и пр. Но весьма редко в этих обличениях проглядывала мысль, что все эти частные явления суть не что иное, как неизбежные следствия ненормальности всего общественного устройства. Большею частью нападали на взяточника так, как будто бы все зло взяточничества зависело единственно от личной склонности таких-то к обдиранию просителей. Никогда в сатирах наших вопрос о взятках не переходил в рассмотрение общего вреда бюрократии и тех обстоятельств, которыми сама бюрократия порождена и развита. То же было и во всех других вопросах. Большая часть сатириков наших уподоблялась человеку, обличающему бедняка за то, что тот не живет в роскоши, и добросовестно убежденному, что от этих обличений жизнь бедняка пойдет лучше. Некоторые же из обличителей задавались такой мыслью: «Мы, дескать, будем обличать и ославлять бедняка за его скудость; когда это дойдет до хозяина, от которого он получает жалованье, так хозяин-то усомнится, да и сделает ему прибавку». Рассуждение это, замечательное по своей наивности, очевидно руководило весьма многими из наших сатириков, от Сумарокова до наших дней, и вследствие того обличения бедняка в скудости обыкновенно заканчивались увещанием исправиться, оставаясь на службе у того же хозяина... В одной из наших прежних статей мы уже говорили о подобных сатириках, называя их Маниловыми^[7], и здесь не можем не повторить, что именно этот маниловский характер и лишал постоянно нашу сатиру реального значения. Жевали, жевали, мяли, мяли у нас в литературе разные общественные вопросы и под конец дошли – до чего же? – до эстетического открытия, что и сатира может быть таким же словом для слова, как и звучное стихотворение Фета

или Хомякова... Оказалось, что не одни розы и грезы, не одну географию славянских рек, но и общественные язвы можно воспевать только для процесса воспевания. Сатира явилась только другим видом, или, если хотите, другою степенью старинных эклог, рондо и мадригалов... Здесь был, конечно, уже не звук для звука, но и не звук для дела; это было – обличение для обличения, спор для спора, остроумие для остроумия. До настоящего дела было отсюда чрезвычайно далеко, не только в выражении, но и в мысли сатириков. Они твердили: не нужно прислуживаться к начальству, не нужно брать взятки, не нужно эксплуатировать других и пр. Но как же быть, когда без прислуживанья и без взяток большинство чиновников не может выбиться из ничтожества, не может содержать семьи, прилично одеться и т. д.? Как быть, ежели при современных общественных отношениях всякий, кто не эксплуатирует другого, должен почти умирать с голода? При этих вопросах не только обличаемые, но и сами обличители становились в тупик и начинали бить воздух отвлеченностями о том, что, во всяком случае, надо, однако, быть честным. Но так как этот аргумент был уже слишком слаб даже пред судом их собственной совести, вроде докторского уверения больному, что следует беречь здоровье, то они обыкновенно пускались в очарования и надежды. «Конечно, – рассуждали они, – художение и ревматизм нельзя уничтожить медикаментами; надо переменить образ жизни и всю внешнюю обстановку. Но в настоящее время, когда все идет вперед, не нужно особенных усилий для того, чтобы сделать такую радикальную перемену: она совершается сама собою. По сложности ученых наблюдений за последние пятьдесят лет оказывается, что климат вообще смягчается в северных странах, море оседает, гастрономия делает новые успехи, многие изнурительные для здоровья работы исполняются новоизобретенными машинами», и пр. и пр. ... Нет сомнения, что все это должно быть весьма утешительно для больного бедняка, потому что подает ему надежду, что медленный, но верный прогресс скоро коснется и его положения и уничтожит причины его болезни... Такие и подобные рассуждения всегда составляли одну из необходимых частей нашей сатиры; причины их заключались в неуменье или нерешимости указать действительные средства поправить дело; следствием же их была та двойственность, та непрерывная цепь разочарований и новых надежд, та умилительная смесь негодования и восторга, которые доставили нашим сатирикам так много обломовской миловидности и так мало действительной силы...

Винить ли их за то, что они не умели вылечить больного? Требовать ли от них, чтобы они приняли на себя громадный труд изменить всю обстановку, благоприятствующую болезни? Нет, это было бы несправедливо и нелепо. Их можно упрекать в другом: зачем они придают своим утешительным фразам значение, которого они не имеют? Зачем они, повторяя много лет одни и те же фразы, наконец до того сами увлекаются ими, что говорят их даже не в смысле простого утешения, а прописывают в виде действительного лекарства? Наконец, зачем они так мало имеют последовательности, так поверхностно смотрят на жизнь, что полагают, будто новейшими успехами гастрономии воспользуется желудок больного бедняка или что поднятие балтийского берега может на нынешнюю осень предохранить от наводнения жителей Галерной гавани?..

Несколько месяцев тому назад мы говорили о современной нашей сатире и выражали прискорбие о ее мелочности и поверхностности. Мы высказали убеждение, что от такой сатиры не выйдет истинной пользы для общества. Некоторые приняли наши слова за убеждение, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портит эстетический вкус публики^[8]. Но мы вовсе не то имели в виду: мы хотели сказать, что наша сатира *не то и не так* обличает... Плодить далее рассуждения об этой материи мы считаем крайне неудобным, потому что – известное дело – о настоящем времени всегда трудно произносить откровенное и решительное суждение, а у нас в настоящее время, когда поднято столько вопросов и сделано столько начинаний, подобное суждение положительно невозможно. Но если аналогия может к чему-нибудь повести, то нам представляется в книге г. Афанасьева превосходный случай проследить один

«эпизод из истории русской литературы», во многих отношениях аналогичский настоящему времени. Этот эпизод представляет нам сатира екатерининского периода. Книга г. Афанасьева, рассматривающая сатирические журналы того времени, дает нам очень много данных относительно того, что тогда делала сатира. К сожалению, он не обратил внимания на то, какие результаты произошли в самой жизни от столь ярких обличений. Но мы постараемся сделать за него несколько указаний из источников, всем постоянно доступных: из учебника русской истории г. Устрялова, из «Полного собрания законов»^[9] и из нескольких журнальных статей, напечатанных в последнее время.

Век Екатерины долгое время являлся нам в каком-то волшебном сиянии, златым веком процветания России по всем частям. До недавнего времени наше внимание привлекалось только светлую стороною последней половины прошлого века. Созвание депутатов со всей России, Наказ, учреждение о губерниях, громы суворовских и румянцовских побед, приобретение Крыма и Польши, развитие народного просвещения, процветание наук и художеств, оды Державина, поэмы Хераскова, комедии Фонвизина и самой Екатерины – все это преисполняло благоговением даже самую нечувствительную душу. Но «в настоящее время, когда» Россия вступает в новый период существования, и для екатерининской эпохи наступила уже история. Теперь уже нужны не дифирамбы, не безотчетные хвалы, а беспристрастное и спокойное рассмотрение фактов того времени во всей их полноте. Скрывать или исказить исторические факты, бывшие за сто или за восемьдесят лет назад, было бы крайне невежественным и зловредным, почти иезуитским поступком. Вот почему теперь беспрепятственно появляется в печати множество материалов для екатерининской истории, которые до сих пор не могли появиться в свет. В «Русской беседе» напечатаны «Записки» Державина^[10], в «Отечественных записках», в «Библиографических записках» и в «Московских ведомостях» недавно помещены были извлечения из сочинений князя Щербатова^[11], в «Чтениях Московского общества истории» и в «Пермском сборнике» – допросы Пугачеву и многие документы, относящиеся к истории пугачевского бунта;^[12] в «Чтениях» есть, кроме того, много записок и актов, весьма резко характеризующих тогдашнее состояние народа и государства; месяц тому назад г. Иловайский, в статье своей о княгине Дашковой, весьма обстоятельно изложил даже все подробности переворота, возведшего Екатерину на престол;^[13] наконец, сама книга г. Афанасьева содержит в себе множество любопытных выписок из сатирических журналов – о ханжестве, дворянской спеси, жестокостях и невежестве помещиков и т. п. Выписки эти в прежнее время были невозможны; но теперь они являются в весьма значительном количестве, потому что «в настоящее время, когда» крестьянский вопрос принял уже такие обширные размеры и предан правительством такой широкой гласности, подобные исторические указания могут делаться совершенно безопасно. Опираясь на эти примеры, и мы решаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источников и другим обстоятельствам, истинное отношение сатиры екатерининского периода к самой действительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашних литературных толков для последующей жизни народа и государства.

* * *

Ежели рассматривать сатиру екатерининского времени как нечто самобытное и серьезное и не обращать внимания на факты, противоречащие такому взгляду, то нельзя не удивляться ее силе и смелости, нельзя не прийти в восхищение и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнейшие результаты для всей России. До таких именно убеждений и дошел г. Афанасьев, как видно из первых слов его книги.

Блистательное царствование императрицы Екатерины II, столько замечательное во всех отношениях, известно и своим благотворным влиянием

на развитие отечественной литературы и журналистики. *Успехи общественной жизни отразились и на серьезном содержании многих литературных произведений, и на благородном их направлении.* Защита просвещения, борьба с невежеством и предрассудками, открытая и меткая насмешка над нравственными общественными недугами и глубокое чувство истинного патриотизма – вот те существенные стремления, которым служило перо лучших сочинителей того времени.

Далее г. Афанасьев говорит, что «сатира, состоя в тесной связи с теми преобразованиями, какие задумывала и совершала великая Екатерина, *бросала на восприимчивую почву русской народности живительное семя*» (стр. 2). Какова была жатва, об этом г. Афанасьев не считает нужным распространяться; но, по его словам, надо полагать, что при таких благоприятных условиях и жатва должна быть очень хороша. Семя живительное и почва восприимчивая: чего же вам больше? Разве посторонние влияния могли мешать: градом побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть: ведь сатира «состояла в тесной связи с преобразованиями великой Екатерины!» Очевидно по всем признакам: екатерининская сатира должна была принести прекраснейшие плоды.

И действительно, сами сатирики того времени были убеждены в громадности своего влияния на исправление общественных недостатков. Сознывая свою связь с правительственными преобразованиями, они не отделяли своего дела от дела Екатерины и твердо уповали на скорое водворение в России златого века, вследствие совокупных усилий правительства и литературы. Без этой приправы не обходилось у них ни одно обличение! Особенно восхищало их то, что при Екатерине уже не водили к пытке и не ссылали в Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листок, – писал кто-то к «Живописцу»^[14], – я плакал от радости, что нашелся человек, который против господствующего ложного мнения осмелился говорить в печатных листах. Великий боже! услыши моление восьмидесятилетнего старика, к счастью нашему продли дни премудрой государыни!.. Куда бы ты попал, бедняжка, если б эту песню запел в то время, когда я был помоложе» («Живописец», ч. I, стр. 52). Это было напечатано в «Живописце» в 1772 году, то есть через десять лет по вступлении Екатерины на престол. Известно, что «Живописец» посвящен «сочинителю комедии» «О, время!», то есть самой Екатерине, и в посвящении этом прямо и положительно объясняется, что сатира принимает смелость обличать пороки именно вследствие поощрения государыни, как правительственного, так и литературного. Новиков, прикидываясь, что не знает, *кто* сочинил «О, время!», говорит здесь о Екатерине и как об авторе и как о правительнице, и одну восхваляет пред другим. Между прочим, он говорит автору комедии:

*Вы первый с таким искусством и острою заставили слушать
едкость сатиры с приятностью и удовольствием; вы первый с такою
благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие...
Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочинениями...
Взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые, худые обычаи,
злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы
людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще пространное поле
к прославлению вашему осталось.*

Слова эти можно заметить как свидетельство писателя, что в 1772 году, несмотря на возгласы одописцев об Астрее^[15] и золотом веке, господствовало еще в России полное развращение, и сатира, упражнявшаяся над ним уже три года (считая с 1769, когда начались сатирические журналы), по-прежнему имела для себя еще «пространное поле». Впрочем, весь «Живописец» свидетельствует об этом еще лучше, и потому-то особенно любопытна та легкость, с которою и он, вместе с другими, поет хвалы «златому веку», наставшему тогда в Рос-

сии. Видно, что для «златого века» сатирики считали нужным только дозволение говорить о пороках... На это преимущественно и сводит Новиков свое увещание автору комедии «О, время!» насчет продолжения его писаний. Сказав об обилии наших пороков и злоупотреблений, он продолжает:

Вы первый достоин показать, что дарованная вольность умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя, всеобщия достойное похвалы? Я никакие не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия? Нет, такая слабость никогда не может иметь места в благородном сердце. *И может ли такая ваша смелость опасаться угнетения в то время, когда, ко счастью России и ко благоденствию человеческого рода, владычествует наша премудрая Екатерина! Ее удовольствие, оказанное во представлении вашей комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям.* Чего ж осталось вам страшиться? («Живописец», ч. I, стр. IV).

Из этого, не совсем ловкого по нынешним понятиям, указания на удовольствие Екатерины, выраженное ею при представлении ее же пьесы, видно, как мало тогдашняя сатира имела собственной инициативы и как она нуждалась в меценатстве и поощрении сверху. Поощрение это действительно даваемо было Екатериною, разумеется, в тех пределах, в каких она считала нужным и сообразным с своими видами, – и благодарные сатирики не могли без умиления отзываться о милостях премудрой монархини. Они беспрестанно хвалились ее покровительством и чрез то зажимали рот обскурантам, которым не нравилась свобода слова. «Живописец» изображает глупого и жестокого помещика, который пишет к сыну своему Фалалею: «Что за Живописец такой у вас проявился? Какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы... О, коли бы он здесь был! То-то бы потешил свой живот: все бы кости у него сделал как в мешке! Что и говорить: дали волю!.. Тут небось не видят, и знатные господа молчат!» («Живописец», I, стр. 109). В «Трутне» упоминается *сугвер*, называющий златой век, в коем *позволено всем мыслить*, железным веком («Трутень», стр. 280)^[16]. Сама Екатерина придавала очень большую цену тому, что свобода слова не стесняется ею. В «Былях и небылицах», напечатанных в 1783 году (через десять лет после «Живописца»), она упоминает выходку *дедушки* против «разговоров, касающихся поправления того-сего». «В прежнее время, по словам дедушки, разговоры сии вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой беды оные кому из нас не нанесли; следовательно, громогласие между нами редко слышно было; беседы же получали от того некоторый блеск и вид вежливости, которой следы не столь приметны ныне: ибо разговоры, смех, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». «Для изъяснения сего дедушка говорит, что *будто мысли и умы, долго быв угнетены под тягостию тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались*» (см. «Собес. люб. рос. сл.», ч. II, стр. 137). В «Собеседнике», издававшемся кн. Дашковой под руководством самой Екатерины, также находится одно письмо, в котором: говорится: «Держитесь принятого вами единожды навсегда правила: не воспрещать честным людям свободно изъясняться. Вам нет причины страшиться гонений за истину под державою монархини,

Qui pense en grand homme et qui i permet, qu'on pense!^[17]

В то же время Державин прославлял свободу слова, данную Екатериною, в обращении к Фелице (Соч. Державина, стр. 308):

Неслыханное также дело,

¹ Которая мыслят как великий человек и разрешает мыслить другим (*фр.*). – Ред.

Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь, и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить^[18].

К этому же великодушному «позволению знать и мыслить» возвращается Державин и позже, в «Изображении Фелицы» (1789), влагая ей в уста следующие слова к народу (Державин, стр. 415):

Я вам даю свободу мыслить
Не в рабстве, а в подданстве числить^[19],
И в ноги мне челом не бить;
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и гнать мои законы.
И в них ошибки замечать.

Даже в оде на кончину Екатерины («Память ноября 1796 года»), сочиненной Капнистом (Сочинения его, стр. 309), мы находим упоминание о том, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вещать^[20].

Таким образом, во все время царствования Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателям дана полная свобода откровенно высказывать все, что угодно. Мысль эта сделалась постоянным и непреложным мнением и много раз высказывалась и впоследствии, долго спустя после смерти Екатерины. Так, например, Карамзин в своей записке «О старой и новой России», указавши на свободу печати при Екатерине, приводит даже и объяснение этого явления в таком виде:

Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук, без казни, без попыток влияя в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неугодным и пламенное усердие заслуживать ее милость, *Екатерина могла презирать легкомысленное злословие и позволяла искренности говорить правду. Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее царствование от всех прежних в новой российской истории. Следствием были: спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума* (Карамзин, изд. Эйнерлинга, III, XLVII)^[21].

Впрочем, было бы величайшим заблуждением думать, на основании возгласов тогдашних литераторов, будто при Екатерине можно было безнаказанно говорить и писать все, что только придет на ум. Напротив, императрица очень зорко следила за тем, чтобы в обществе и в народе не рассеивались понятия и слухи, несообразные с ее намерениями относительно устройства и управления государством. При самом восшествии ее на престол начали ходить в народе различные слухи, которые были ей неприятны. Вследствие того в 1763 году, июня

4, издан был указ «о воздержании каждому себя от непристойных званию его толкований и рассуждений» (П. С. З., № 11843)^[22]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Из басни «Кот и повар» (ок. 1812 г.).

2.

Речь идет о публицистах, сотрудничавших в «Московских ведомостях», «Русском вестнике».

3.

Отмечая историческую слабость сатиры Кантемира, Добролюбов недооценивает ее национальный, прогрессивный характер в петровское время. В данной фразе – намек на молдаванское происхождение А. Кантемира и его длительную дипломатическую службу за границей.

4.

Эти мотивы есть в ряде сатир А. Кантемира, особенно в Сатире II («На зависть и гордость дворян злонравных»).

5.

Имеется в виду Песнь I («Противу безбожных»).

6.

Об этом шла речь в Сатире I («На хулящих учения. К уму своему»).

7.

См. примеч. 6 к статье «Литературные мелочи прошлого года».

8.

Имеется в виду полемически заостренная против «Литературных мелочей прошлого года» (об этой полемике см. наст. т. с. 726–727) статья Герцена «Very dangerous!!!», в которой автор иронически вопрошал противников обличений: «Давно ли у нас вкус так избаловался, утончился?» (Герцен, XIV, 117).

9.

Речь идет о двухтомной «Русской истории» Н. Г. Устрялова (изд. 5-е. СПб., 1855) и «Полном собрании законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года» (СПб., 1830).

10.

Записки Г. Р. Державина. 1743–1812 (РБ, 1859, кн. 13–17).

11.

В ОЗ (1858, № 3) – Заболоцкий М. Мнение кн. М. М. Щербатова об одном современном вопросе (текст записки о Петровской реформе); в «Библиографических записках» – «Несколько заметок кн. М. М. Щербатова о разных предметах» (1858, № 13), сатира Щербатова «О муж почтенный...» и др. (1859, № 12–15). Статьи М. М. Щербатова, опубликованные в «Московских ведомостях» (1859), Добролюбов цитирует в последней части настоящей работы.

12.

«Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» напечатали «Допросы Пугачеву» (1858, кн. 2), «Далматовский монастырь в 1773–1774 годах, или в пугачевский бунт...» (1859, кн. 1) и др. О материалах «Пермского сборника» (1859) см. посвященную ему рецензию Добролюбова в наст. т.

13.

Статья Д. Иловайского: «Екатерина Романовна Дашкова. Участие в политическом перевороте» (ОЗ, 1859, № 9).

14.

«Живописец» – сатирический журнал Н. И. Новикова, издавался в 1772–1773 гг. «Письмо Господину сочинителю «Живописца» подписано «Осьмидесятилетний Старик» (Живописец, 1772, ч. I, л. 7). Автор его не установлен.

15.

Богиня справедливости в греческой мифологии.

16.

Трутень, 1769, лист XXXV.

17.

Цитата из оды Вольтера «Императрице России Екатерине II» (1771). Это же письмо с цитатой из Вольтера приводится в статье «Собеседник любителей русского слова». См. наст. изд., т. 1, с. 127 и с. 788, примеч 33.

18.

Из «Оды к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице...» (1782). Текст указывается по изд.: Сочинения Державина, т. I. СПб., 1847.

19.

В строфе пропущен второй стих:

20.

Ода сочинена в 1801 г.

21.

Записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» (1811) цитируется по изданию: Карамзин Н. М. История государства Российского, изд. 5-е, кн. I–III. СПб., 1842–1843.

22.

Цитируется «Полное собрание законов Российской империи...». См. выше примеч. 9.